

Гайдэ
Алёна Амурская

Любовь против
ИЗМЕНЫ

Гайдэ - Любовь против измены

<https://litres.ru/74221223>

Аннотация

♥# Он снова сделал это.

Вернулся домой и сразу скрылся в ванной. Но я знаю, что вся его одежда пропахла чужими женскими духами.

Он всегда так делает.

Но сегодня я просто раздавлена его поведением, ведь только вчера он сжимал меня в объятиях и так убедительно шептал, что я его сокровище. Заставил поверить, что изменился...

И я ошиблась. Глупая доверчивая жёнушка.

- Марат, - тихо говорю я, когда муж, как ни в чем ни бывало, разваливается рядом на диване и притягивает меня к себе на колени, как кошку.

- Что?

- Ты ничего не хочешь мне объяснить?

- Нет, - отвечает он и, чуть внимательней глянув на меня, спокойно добавляет: - Не забивай себе голову ерундой, солнце мое. Лучше принеси чего-нибудь перекусить. Я чертовски голоден.

В его голосе проскальзывают жестковато-властные нотки. Они предостерегают, что я коснулась опасной грани, переступить которую чревато, если жена хочет удержать мужа.

Но жить в таких условиях больше невозможно. Потому что это разрушает не только нашу семью, но и меня саму. Как личность.

Я так больше не могу...

Не могу, не хочу и не буду.

ХВАТИТ ТЕРПЕТЬ ИЗМЕНЫ.

Однотомник ХЭ

Содержание

Глава 1. Он снова сделал это	5
Глава 2. Жажда свободы	13
Глава 3. Границы допустимого	18
Глава 4. Прошное. Плохая первая встреча	24
Глава 5. Прошное. Роковой выбор	28
Глава 6. Прошное. Под его надзором	38
Глава 7. Прошное. Отцовское кредо	44
Глава 8. Прошное. Выходи за меня	51
Глава 9. Прошное. Отдайся мне	57
Глава 10. Осторожней с желаниями	64
Глава 11. Игра сквозь боль	70
Глава 12. А может, никакого мужа и нет?	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1. Он снова сделал это

#####

Он снова сделал это.

Вернулся домой и сразу скрылся в ванной. Но я знаю, что вся его одежда пропахла чужими женскими духами.

Сейчас мой любимый бесчувственный муж лично запихнет ее в стиралку...

Смоет с себя под душем следы губной помады...

А затем подойдет и чмокнет меня в губы небрежным хозяйским поцелуем...

Он всегда так делает.

Но сегодня я просто раздавлена его поведением, ведь только вчера он сжимал меня в объятиях и так искренне, так убедительно шептал, что я его единственное и неповторимое сокровище. И заставил поверить, что изменился...

Но я ошиблась. Глупая доверчивая жёнушка.

- Марат, - тихо говорю я, когда муж, как ни в чем ни бывало, разваливается рядом на диване и притягивает меня к себе на колени, как обычную домашнюю кошку.

- Что?

- Ты ничего не хочешь мне объяснить?

- Нет, - отвечает он и, чуть внимательней глянув на меня, спокойно добавляет: - Не забивай себе голову ерундой, солнце мое. Лучше принеси чего-нибудь перекусить. Я чер-

товски голоден.

В его голосе проскальзывают жестковато-властные нотки. Они предостерегают, что я коснулась некой опасной грани, переступить которую чревато, если жена хочет удержать мужа.

Но жить в таких условиях больше невозможно. Потому что это разрушает не только нашу семью, но и меня саму. Как личность.

Я так больше не могу...

Не могу, не хочу и не буду.

ХВАТИТ ТЕРПЕТЬ ИЗМЕНЫ.

Но любой умный человек знает, что дергать зверя за усы безопаснее всего, когда он сыт и спокоен. Поэтому, молча поднявшись, я направляюсь на кухню, чтобы принести мужу ужин. И даже даю себе пару минут передышки, позволяя горьким слезам скатиться вниз по щекам.

Кап...

Плюх...

Странно, что эти крошечные соленые капли падают на идеально чистую столешницу кухонного гарнитура так громко. Не потому ли, что слишком тяжела боль моего разбитого сердца, которое я оплакиваю?..

Приходится приложить усилия, чтобы взять себя в руки.

Я наспех плескаю в лицо холодной водой, чтобы убрать предательскую красноту глаз. Потом хватаю поднос и возвращаюсь в гостиную.

Муж уже включил тонкий стереоэкран на стене напротив обеденного стола и лениво слушает новости предвыборной кампании своего отца - депутата Плохишева. Судя по рейтингу, у того есть все шансы выиграть второй раз подряд и остаться на хлебном месте без особых усилий.

- Спасибо, солнце, - муж принимается за ужин, не обращая на меня никакого внимания, словно я значу для него не больше, чем удобный предмет мебели в этой комнате. И лишь под самый конец, небрежно вытерев губы салфеткой, он сообщает мне: - Завтра мы идём на благотворительный вечер. Отец организовал его в поддержку своей избирательной компании. Постарайся одеться более... хм... стильно, чем обычно.

Я знаю, что он имеет в виду.

Как человек, выросший в бедной неблагополучной семье, я слишком привыкла одеваться максимально просто. И практически не красилась. А о причёсках, вроде тех, которыми щеголяли светские дамы из административных кругов, даже и не думала.

Обычно муж никогда не делал мне замечания и позволял вести себя, как заблагорассудится. Но сегодня все идет наперекосяк. Неужели он почуял, куда ветер дует, и решил напомнить о моём месте?

- Хорошо, - кротко отвечаю я и принимаюсь убирать грязную посуду со стола, а затем, присев на кресло напротив него, вздыхаю: - Нам надо поговорить.

Он переводит на меня нечитаемый взгляд и убавляет звук новостей до минимума.

- Слушаю тебя.

Я нервно сплетаю пальцы на коленях и стискиваю их изо всех сил. Боль от вдавленных в кожу ногтей худо-бедно помогает сохранять самообладание.

- Марат... ты знаешь, что я люблю тебя таким, какой ты есть.

- Знаю.

- Но мы теперь с тобой муж и жена. И мне показалось, что в последнее время ты иначе стал смотреть на вопрос верности...

- Тебе показалось, - снисходительно прерывает он меня. - Мань, не начинай, а? Ты всегда была для меня самой особенной. Поэтому я и женился на тебе. И ты всегда относилась к моим недостаткам с пониманием.

- Но это было до того, как мы стали настоящими мужем и женой... - вырывается у меня неверяще-жалобно. - Разве для тебя это ничего не значит?

- А разве должно? - он недовольно морщится. - Ты знаешь, за кого вышла замуж, Маня. И знаешь мою точку зрения, я же тебе рассказывал про своего отца. Мужчина в принципе не может ограничивать себя одной женщиной, это против его природы. Не превращайся в этих фанатичных поборниц супружеской морали, ну? Признаю, виноват, что слишком расслабился в последнее время. Допустил, что ты заметила, и

задел твоё самолюбие... Но я же не железный конспиратор а-ля штирлиц, а нормальный мужчина со своими потребностями.

Словно в подтверждение этих слов, его мобильный телефон на верхней полке декоративного стеллажа, куда я никогда не могла дотянуться, вдруг оживает включившимся автоответчиком.

Муж быстро поднимается и идет туда - наверное, забыл отключить функцию, - но не успевает.

- Мара-а-атик... - игриво тянет томный женский голос. - Ты забыл в сауне свой красивый кожаный ремень. И конечно же, я его прихватила с собой. Заезжай, как будет время, оки? Повеселимся так же классно, как сегодня! Если что, моя киска для твоего монстра в штанах всегда готова и...

Муж раздраженно хватает телефон и не глядя вырубает звук, но слишком поздно.

Я чувствую, что бледнею.

Господи, как же так? Он женился на мне, окружил заботой, завоевал доверие. Сделал наконец-то своей женщиной - и увлеченно погружал меня в новый опыт на протяжении целой череды упоительных ночей, потрясающих и сказочно приятных...

И вот теперь заявляет, что я должна принимать его откровенные измены, как один из обыкновенных мужских недостатков. Вроде разбросанных по спальне носков.

А я-то думала, что теперь, когда у него есть я, другие жен-

щины останутся в прошлом!

Думала, что если сумею достучаться до его черствого сердца, окружу любовью и подарю свою невинность... то он изменится.

Ага, щас. Дура наивная!

А ведь при нашей первой встрече, когда мы были еще студентами, я всерьез верила, что под маской моего Плохиша - так все его в универе называли, - скрывается по-настоящему хороший человек.

Ведь он не раз выручал меня из сложных ситуаций, несмотря на свою репутацию отвязного мажора и бабника. Изводил на словах насмешками, но на деле всегда покровительствовал. Оберегал от своей жестокой мажорской свиты. Вот я и поверила в сказку о красавице и чудовище...

И к чему это теперь привело?

К браку с человеком, который считает регулярные измены пустяком и природной потребностью?!

Боже, меня сейчас стошнит...

Меня УЖЕ тошнит.

- Не принимай близко к сердцу, - с досадой говорит муж и раздраженно прячет телефон в карман. - Это ничего не значит, я даже имени ее не помню. Она одна из многих, однодневка. А ты моя жена, и это главное для меня. И для тебя тоже. Ну не смотри на меня так, Мань... - он пристально изучает выражение моего лица и вдруг, как бы в шутку, небрежно напоминает: - Ты как-то пообещала, что всегда будешь

моим личным солнышком. Сказала, что я похож на злое циничное чудовище, которое нуждается в любви и понимании. Так как насчет того, чтобы выполнить обещание?..

Я молчу, глядя на него немигающими глазами. Не могу говорить. И не воспринимаю его шутливую манипуляцию от слова совсем.

Одна из многих, значит...

А сколько этих веселых девок у него было с тех пор, как я отдала ему свою невинность? Боюсь даже представить.

При одной лишь мысли о том, что он развлекался с другими женщинами, а потом возвращался домой и занимался со мной сексом, тошно до беззвучного отчаянного воя.

Внутри всё грохочет и трескается, и от душевной боли меня всю аж трясет мелкой дрожью. Это рушится воздушный замок моей наивной мечты и глупой надежды над пропастью циничной реальности.

Что ж, пусть рушится...

Туда ему и дорога.

#####

Добро пожаловать в историю обаятельного изменщика Плохишева, который вам так понравился в книге о предателе Князеве, дорогие читатели! Это однотомник.

(Об измене его друга Князева читайте в книге «Прощай, предатель!» на странице автора >>> <https://litnet.com/shrt/VgrC>)

>>>

Глава 2. Жажда свободы

Маня

Я не знаю, как умудряюсь не разрыдаться на глазах у мужа. С деревянным выражением лица пытаюсь перетерпеть крушение своей единственной надежды на полноценную, настоящую семью, о которой мечтала всю свою жизнь. И это очень больно.

Так больно...

Почти невыносимо...

Но деваться от этой боли просто некуда. Я как смертельно раненая лань, угодившая в медвежий капкан и замершая в ожидании конца своего кошмара.

А когда первая, самая чудовищная волна разрушительно-го внутреннего цунами уходит, оставив за собой одни обломки, я медленно опускаюсь на стул с прямой спиной. И лишь тогда говорю неестественно спокойным голосом:

- Нет.

- Что значит «нет»?

Муж изгибает бровь таким привычно-риторическим движением, что к моему горлу подкатывает жгучий комок обиды и горечи. На его красивом самоуверенном лице читается снисходительное понимание, и даже просто видеть его мне больно.

- То и значит. Нет. Я отказываюсь терпеть твои измены

после того, как ты стал моим первым мужчиной. И заметь - единственным, - я судорожно сглатываю и бросаю ему в лицо мстительное: - Пока что...

Плохишев сужает глаза, и натянутая усмешка исчезает с его губ без следа.

- Не говори этого. Ты не такая.

- С чего такая уверенность? - горько спрашиваю я. - И почему это тебе разнообразить интимную жизнь можно, а я вдруг сразу «не такая»?

Он в несколько шагов неожиданно оказывается рядом и обхватывает меня за плечи.

- Потому что я выбрал тебя. В тот день, когда мы впервые встретились... - его шепот кажется осколками стекла, которые режут слух нежностью, но я в нее больше не верю. - Ты дорога мне. И у тебя совсем другой характер, Мань. Ты не можешь быть с мужчиной, не привязываясь к нему всем сердцем. И так у многих женщин, моя милая. С этим надо просто смириться. Такова реальность.

Я смотрю в любимые серо-голубые глаза.

Предатель...

Я вышла замуж за предателя, который никогда и не собирался создавать со мной настоящую семью, где слово верность - не пустой звук. И который заманил меня в этот брак приманкой наивной надежды на то, что он не такой испорченный, каким всем кажется.

В этот ужасный, бракованный брак...

Звучит глупо и заезженно, но зато как точно определяет всю суть наших отношений!

Ох, Марат, если бы я знала... если бы я только знала, что ты даже не попытаешься ради меня отказаться от своих тупых мужских убеждений, то ни за что бы не согласилась стать твоей женой!.. Как бы сильно тебя ни любила...

Но вслух я говорю совсем другое:

- Убери руки! Я не... - голос срывается, и мне приходится снова сглотнуть, чтобы добавить страдальческим шепотом: - Я не могу сейчас выносить твои прикосновения, Марат. Пожалуйста.

На его лице начинают жестко играть желваки, но, тем не менее, мою просьбу он выполняет.

- А совсем недавно они тебе нравились. И другие женщины в моей постели тебя так сильно не напрягали. К чему это ханжество, Мань?

Я отступаю к окну и сжимаю пальцами виски. Головная боль уже пульсирует там, красноречиво намекая на слишком высокий уровень пережитого стресса.

- Ошибаешься.

- Солнце, ну перестань, - говорит муж мне в спину. - Хочешь дуться - ладно, но драмы на сегодня нам хватит, тебе не кажется? Ты всё обо мне знаешь, и куда лучше, чем любая из моих женщин. Ты знала, какой я. Вышла за меня замуж по любви, в которой сама же меня и заверяла, - чувствую, как он снова приближается и низким, чувственным голосом

напоминает: - Нам с тобой было так хорошо в постели... а будет еще лучше. Потому что ты еще новичок и не вошла в полный вкус. Но я тебя научу всему. Обещаю.

Я порывисто оборачиваюсь.

- Замолчи! Господи, это какой-то кошмар... дура, какая же я дура... - несмотря не все мои усилия, слезы всё-таки прорываются в моем голосе истерическими нотками, и я умолкаю, не договорив.

- Ты не дура, моя хорошая, - качает головой Плохишев. - Просто слишком неопытная и чувствительная. А еще идеалистка с принципами. Но это мне в тебе и нравится чертовски, если честно. Из тебя получится прекрасная мать для наших будущих детей...

Я мотаю головой и медленно принимаюсь отступать прочь. Рыдания уже близко. Но этот гад не увидит моих слез. Ни за что!

- Солнце...

- Хватит называть меня так! - сдавленно говорю я. - У меня есть имя. А насчет детей... знаешь, сомневаюсь, что они у нас с тобой будут.

- Маня, - его голос становится жестче. - Хватит убегать, давай обсудим проблему, раз уж ты всё-таки начала!

Но я его не слушаю. Быстро дергаю ручку двери в спальню и прячусь за ней. По щекам уже стекают неконтролируемые ручейки слёз.

- Маня!

Я щелкаю замком и бессильно приваливаюсь лбом к дверному косяку.

- Мне надо побыть одной, Марат... и подумать обо всём. Уходи, пожалуйста.

- Ну хорошо, - явно злясь, цедит Плохишев. - Если тебе надо побыть одной, то не буду тебе мешать. Только не надо запираяться в четырех стенах. Давай так - я пока уйду, и ты получишь свое уединение без всего этого мелодраматического затворничества, хорошо? Но когда я вернусь - поговорим. У тебя есть три часа.

Я ничего не отвечаю. Поскольку уже сижу на полу и беззвучно рыдаю в подушку, крепко прижимая ее к лицу обеими руками. А через пару минут слышу, как хлопает входная дверь.

Мой гуляющий муж ушел.

Вот только когда прошло назначенное время, никакого обещанного разговора не было. Потому что вернулся он не в себе.

Пьяный, злой и разгоряченный.

Глава 3. Границы допустимого

Маня

- Мань... Ма-а-аня... - раздаётся его ленивый и слегка невнятный голос от входной двери. - Я вернулся, солнышко моё... Ты где?

Я отрываю взгляд от нетронутой чашки с давно остывшим чаем, который сделала себе часа два назад, и крепко сжимаю губы. Так и хочется задернуть штору, чтобы Плохишев не обнаружил меня сидящей на широком кухонном подоконнике. Хочется сбежать, укрыться от проблем и сунуть голову в песок, словно страус.

Но мой муж прав.

Бегство и прятки - это не выход.

- А, вот ты где, - длинная тень от его широкоплечей фигуры кажется на светлом фоне пола зловещим подобием какого-то монстра.

Пару секунд он стоит, привалившись плечом к дверному косяку, и смотрит на меня тяжелым мутноватым взглядом, от которого мне становится не по себе. В его глазах играют отблески какого-то нехорошего оживления и острой внутренней жажды, как у дикого зверя, которому дали куснуть окровавленный кусок мяса и тут же вырвали его из-под самого носа.

- Ты, кажется хотел поговорить? - осторожно напоминаю я

и отодвигаю полную чашку чая в сторону. - Решил, что перед этим тебе надо немного выпить?

Криво усмехнувшись, Плохишев отталкивается от стены.

- Немного?.. О нет, я бы так не сказал... - он медленно начинает двигаться в мою сторону. - Знаешь, с кем мне пришлось встретиться, когда я вышел отсюда?..

Я молча пожимаю плечами, настороженно следя за его приближением.

- С моим отцом. Ему срочно понадобилось за ужином поговорить со мной в ресторане, и он выдвинул новый список ожиданий, которые его единственный сын и наследник должен оправдать здесь и сейчас. А ещё лучше - сделать это уже вчера. Вот я и решил... - Плохишев останавливается вплотную к подоконнику и накрывает мои колени ладонями, легонько их сжав, - ...что такое общение не помешает хорошенько разбавить коньяком. Слишком много неприятностей за один вечер. Слишком много чужих ожиданий на мой счет за раз, Мань. Твоих, отцовских...

- А что он тебе сказал? - устало спрашиваю я.

Очень стараюсь не обращать внимания на крепкую хватку его рук, но мое предательское тело уже так привыкло к его ласкам за последнее время, что реагирует на них четко и однозначно, как проклятая собака Павлова после череды экспериментов. Приятный жар вместе с мурашками коварно ползёт вверх по бёдрам и щекочущими сладкими импульсами наполняет низ моего живота.

- Много чего. Начал с важности своей грамотно выстроенной предвыборной компании... - небрежно сообщает муж, пока его взгляд медленно скользит по моему лицу вниз и останавливается на груди, прикрытой тонким бежевым пеньюаром, - ...а закончил требованием как можно скорее сделать ему внука. Отец считает, что его женатый сын с наличием глубоко беременной жены к моменту выборов значительно поднимет рейтинг народного доверия. Судя по опросам, его электорат состоит в основном из женщин за сорок, а они обожают надежных респектабельных мужчин в возрасте, которые способны продемонстрировать всему миру крепость и незыблемость семейных связей. И я должен ему в этом помочь.

- В показухе крепких семейных связей, которых не существует? - с горькой иронией уточняю я и отталкиваю его, а точнее пытаюсь это сделать, но он стоит на месте, как скала. - Это отвратительно, Марат. Я не собираюсь ни в чем таком участвовать! Особенно ради предвыборной компании...

- Я знаю, солнце. Я знаю... И ты права, нам пока рано думать о детях.

- Тогда и говорить не о чем. Политические планы твоего папочки меня не интересуют.

- Тогда, может быть, тебя заинтересует другое? Например, то, что в баре сразу две красотки липли ко мне, как невменяемые. Но ради тебя я их отшил. Ты довольна?..

Муж вклинивается между моих ног, пристально глядя

мне в глаза. И меня захлестывает первая волна паники. Вместе с возбуждением, за которое мне мучительно стыдно. Потому что так нельзя! Это неправильно - всё еще хотеть мужа, который тебе изменял и продолжает изменять.

Как жаль, что я лично не увидела, как он трахает посторонних женщин! Уверена, такое отталкивающее зрелище бы мигом излечило меня от влечения к нему.

А что... пожалуй, это мысль.

Надо просто выследить его, чтобы застать с другой! И убить свою любовь одним ударом.

Но сначала надо как-то пресечь его пьяные поползновения.

- Перестань! Я не хочу, чтобы ты меня трогал! - яростно бросаю ему в лицо и снова отталкиваю.

На этот раз мне это удастся. Плохишев отступает на шаг назад.

Но когда я спрыгиваю вниз и поворачиваюсь боком, чтобы проскользнуть мимо... подоконник вдруг оказывается перед самым носом. И его поверхность выбивает из моих легких испуганно-шумный выдох.

- Ты уверена в этом?.. - хрипло шепчет муж, наваливаясь на меня всем телом. Его пальцы с порочной наглостью задирают подол сорочки и устремляются к тонкой преграде трусиков. - А по-моему, ты мне очень даже рада, врунишка...

- Нет!

- Да... - он настойчиво и умело принимается ласкать меня

прямо сквозь ткань, и возбуждение вперемешку с ужасом от его аморальной бесчувственности прошивает меня с ног до головы. - Забудь о других, солнце! Сейчас я хочу тебя, только тебя...

- Нет, нет, нет... - повторяю я, как заведенная, и чувствую, как по щекам катятся новые потоки слёзы. - Нет!

Наслаждение смешивается с горем так плотно и невыносимо тяжело, что кажется, будто я схожу с ума. Мне самой от себя противно. И даже неясно, от чего меня так трясет - от того, что я только что получила короткий острый оргазм из-за умелых пальцев изменщика... или от того, что я в таком отчаянии.

Плохишев вдруг замирает.

- Ты что, плачешь?

Я не могу ответить, задыхаясь от слёз. Безропотно подчиняюсь, когда его руки медленно поправляют на мне одежду и разворачивают лицом к нему.

- Чёрт... Мань, прости, - он с досадой трясет головой и отходит в сторону. - Я слишком много выпил, и потом эти телки... совсем переклинило. Ты хотела поговорить...

Я на секунду крепко зажмуриваюсь, выравнивая дыхание. А потом бросаю на него ненавидящий взгляд в упор.

- Ты пьян. Протрезвей сначала. И больше никогда... - мой дрожащий голос кажется тонким и гнусавым от слёз, - ...никогда, слышишь?!.. не смей меня лапать против воли!

- Ты меня тоже хотела.

- Я сказала - нет! Или это для тебя пустой звук?

Плохишев стискивает зубы, начиная играть желваками.

- Я извинился. А теперь давай...

- Мерзкой тебе ночи, дорогой! - выплевываю я, не дослушав, и быстро проскакиваю мимо него.

Ну и хорошо, что он так со мной поступил. Теперь я точно знаю лишь одно. От этой больной любви точно надо избавляться.

Иначе она меня саму уничтожит.

Глава 4. Прошрое.

Плохая первая встреча

Пять лет назад. Маня

Октябрь. Середина осеннего полугодия.

Дождь на улице льет, как из ведра, и это настоящая засада. Зонтик, как назло, я забыла дома, хотя дважды за утро вспоминала о прогнозе погоды.

Но мне сегодня не до этого.

Мало того, что мои родители только что развелись из-за папиной измены...

Мало того, что мама и до этого к бутылке прикладывалась, а теперь и вовсе начала открыто бухать чуть ли не каждый день...

...так ещё и папа перевел меня из пригородной сельхозакадемии в крупнейший городской универ прямо посреди учебного полугодия.

Здравствуй, «восхитительное» ощущение моей деревенской харизмы на фоне лощенной студенческой тусовки!

Я не хотела жить с папой, но оставаться в деревне с пьющей матерью, которая ненавидит меня за живое напоминание о неудавшейся судьбе - это себе врагом надо быть. А к самостоятельной жизни я пока еще не готова.

Так что теперь каждый день мне приходится видеть, как папа нежничает с новой женой и покровительствует ее взрослым дочкам. А при виде меня неловко отводит взгляд в сторону, как будто я ходячее недоразумение в его жизни.

Наверное, так оно и есть.

Город всегда действует оглушающе на тех, кто попал в него из деревни. Особенно если ты и по характеру вдобавок интроверт и тихоня. Обычная восемнадцатилетняя девчонка, у которой родители решили развестись прямо в самый разгар осени. И теперь ты - та самая новенькая, на которую давно перезнакомившиеся одноклассники смотрят, как на белую ворону в калошах.

А уж если у тебя еще и осенняя депрессия из-за того, что вся стабильная и понятная жизнь полетела вверх тормашками, то это полный набор худшего кошмара первокурсницы.

Хотя вообще-то бывает и хуже. В этом я убеждаюсь уже через пять минут, когда ускоряю шаг и заставляю себя идти быстрее.

Безрадостные мысли крутятся в голове так навязчиво, что досадный дождь кажется их материальным воплощением.

Промокну, ну и ладно!

Перед самым универом - огромной, пятиэтажной махиной с идеально ухоженным фасадом и широченной парадной лестницей, - я наступаю на что-то скользкое и машу руками, как ветряная мельница, чтобы не упасть. Но напрасно. Меня неудержимо несет на этой скользкой фигне прямо к бордю-

ру, о который я спотыкаюсь...

И с размаху падаю на свежевскопанную клумбу с рыхлой мокрой землей, которую щедро оросил дождь. Ладонями и коленями прямо в жадно чавкнувшую грязь.

- Блин... - страдальчески шепчу под нос и кое-как поднимаюсь на ноги, оглядывая свою перепачканную одежду.

Куртка вся заляпана, джинсы тоже. Особенно сумке досталось - ее я вытянула вперед, как щит, когда падала, и мокрые комья чернозема с клумбы облепили ее густым слоем.

Где-то за спиной слышится немного виноватый смешок, и я оглядываюсь на незнакомую девчонку с густыми черными волосами и чуть раскосыми глазами. Она запоздало убирает улыбку и говорит:

- Извини, это я шкурку от банана тут уронила только что. Хотела до мусорки добросить, но промахнулась. Как раз ручками перезакинуть собиралась...

Я дергаю плечом, не отвечая. Ну а что ей сказать - ничего страшного? Вообще-то это будет ложью.

Девчонка не уходит, явно чувствуя свою вину, да и веселья у нее поубавилось. Стоит и смотрит, как я стряхиваю с колен и ладоней комки грязи, потом с неловким сожалением бормочет:

- Слушай, грязь лучше в туалете смыть. Я правда не хотела, чтобы так вышло... Давай помогу! - она вцепляется в мою сумку, и я с излишней силой от прорвавшегося раздражения дергаю ремень назад.

- Спасибо, но я лучше сама!

Руки девчонка послушно разжимает, и моя грязная сумка по инерции описывает энергичную дугу. А затем я слышу смачный «шмяк», когда она во что-то врежется, и сразу же после этого короткое звучное ругательство. Брошенное низким юношеским голосом.

Я быстро оборачиваюсь и замираю с холодком в предчувствии неприятностей.

Передо мной - невероятно красивый темноволосый парень с эффектной модной стрижкой и высокой спортивной фигурой. В руке небрежно держит черный зонт. Холодные светлые глаза смотрят на меня из-под него зло, даже презрительно.

А на его идеально чистой толстовке красуется огромное безобразное пятно с ошметками земляной грязи.

- Ой... - как-то слишком испуганно расширяет глаза любительница «медвежьих услуг».

>>>

Глава 5. Прошрое. Роковой выбор

Маня

Я беспомощно взираю на незнакомого красавчика снизу вверх, потеряв дар речи от растерянности и стыда. От его жесткого взгляда по моему телу проходит леденящая лихорадочная дрожь.

Никто и никогда еще не смотрел на меня с таким безглывым презрением. Как будто я жаба какая-то болотная, от контакта с которой можно заразиться бородавками.

Поежившись от неприятного ощущения, я усилием воли разлепляю пересохшие губы, чтобы сказать:

- Извини, мне очень жаль, что так получилось. Может быть, если ты сейчас быстренько замоешь пятно водой с мылом, то грязь не успеет впитаться... - и поскольку парень продолжает молчать, сжав свои красивые губы в плотную полоску, быстро добавляю: - Совет от чистого сердца.

- Ой, глянь какая стремная, фуу! - хихикают какие-то женские голоса за его спиной. - Клуша-простуша! Из деревни прямо с огорода, что ли, вылезла?.. Так спешила, что помыться забыла!

Стреляя глазками в сторону мрачного парня, мимо цокает каблучками группа эффектньх девчонок. И среди них я подмечаю знакомые капризные личики Анфиски и Маргоши, дочек новой папиной жены. Они дружно делают вид, что

абсолютно со мной не знакомы.

- Привет, Марат! - доносится от девчонок наперебой кокетливое разноголосье. - Марат, приветик! Доброе утречко... ой, то есть плохое! - и напоследок кто-то хихикает тихо, аж захлебывается злорадством: - Плохое утро для плохиша, вот каламбур, да, девочки? В наш универ начали бомжих пускать, вот приколы! Еще и советы раздает. На себя бы в зеркало лучше глянула...

Снова перевожу виноватый взгляд на парня перед собой.

- И правда, иди-ка лучше собой займись, - с отвращением бросает тот наконец и жестко припечатывает: - Грязнуля.

Его слова вызывают звонкий взрыв девичьего смеха и следом от них летит град насмешек в мой адрес:

- Грязнуля, ха-ха!..

- Грязная деревенщина!

- Вали обратно в свой деревенский сортир, пока нас всех тут своими экскрементами не перепачкала!

Мои щеки обжигает жар обиды и острого стыда. Не обращая ни на кого внимания, этот высокомерный Марат неторопливо поднимается по парадной лестнице и исчезает в широких прозрачных дверях. А мои хихикающие насмешницы, как по команде, бегут за ним следом. Как собачки, ей-богу.

Девчонка, из-за которой я во всех смыслах окунулась в грязь - выражаясь и буквально, и фигурально, - смущенно откашливается.

- Да уж... - говорит она. - Слушай, я готова даже голову пеплом посыпать, но тебе уже явно по барабану. Просто... знаешь, терпеть не могу портить отношения с людьми из-за недоразумения. Особенно если я реально накосячила первая. Не знаю, что и сказать...

Я глубоко вздыхаю, сбрасывая оцепенение. От неприятного инцидента с парнем даже раздражение на эту банановую мазилу куда-то испарилось.

- Ладно, проехали, - говорю рассеянно и смахиваю с бровей капли дождя вперемешку с брызгами грязи. - Мне нужно привести себя в порядок и посмотреть расписание первого курса.

Затем решительно поднимаюсь по ступеням в универ.

Презрительный холодный взгляд красавчика до сих пор стоит перед глазами, будто на сетчатке отпечатался. Бр-р, прям мурашки от него пробирают.

- О, так ты на первом курсе? - догоняет меня непрошибаемо настойчивая девчонка. - А какой факультет? Как тебя зовут? Меня - Ася.

- Маня. Я на экономическом.

Как я и ожидала, такая форма имени вызывает у собеседницы сдавленное фырканье. Но что поделать, если меня с детства все так называли и имя Маша теперь я просто не воспринимаю?

- Маня, значит. Звучит очень... э-э... архаично.

Мы попадаем в сверкающее фойе, и охранник на входе

бросает на мою грязную одежду подчеркнуто неодобрительный взгляд. Но пропускает молча.

- Да говори уж прямо, - морщусь я и с сарказмом переиначиваю недавние насмешки: - Идеальное деревенское имя для такой грязной деревенщины, как я! Не переживай, мне не впервой слышать такое. Но из-за чужих предрассудков я не собираюсь притворяться удобной всем Машей, а не Маней... Где, кстати, тут у вас туалет? Направо по коридору или налево?

- Налево, - подсказывает Ася. - Ну, в принципе Маня имя нормальное, только будь готова к тому, что тебя начнут дразнить Нюней-Манюней или Мани-в-кармане. Это первое, что пришло мне в голову, а значит, и другим придет...

- Поздно, - хмыкаю я. - Вакантное место обидной клички уже занято.

- А, ты про Грязнулю? Может, пронесет... хотя вряд ли. Фанатки Плохиша уже слышали, как он тебя обозвал.

Я толкаю дверь туалета и нервно любопытствую:

- А кто этот Плохиш вообще?

- О, это звезда универа. Настоящий звездный мальчик, - криво усмехается Ася, и я понимаю, что к числу его поклонниц она явно не принадлежит. - Он Марат Плохишев. Единственный сын того самого...

Она делает большие многозначительные глаза, но я отвечаю ей искренне непонимающим взглядом.

- А кто это?

- Серьезно? - у нее отвисает челюсть. - Ты ничего не слышала о Плохишеве?!

- Нет.

- Блин, ну ты даешь. Жить в городе и ничего не знать о человеке, чья физиономия красуется на всех уличных предвыборных плакатах - это прям какой-то избирательный уровень слепоты.

- Я из деревни, а не из города. И политика меня не интересует.

Отвернувшись, я бросаю взгляд в зеркало над раковиной... и в ужасе таращусь на свое чумазое отражение.

Это вот такой меня видел местный «звёздный мальчик»?!

Кошмар...

Неудивительно, что Грязнулей обозвал. Все лицо в каких-то черно-серых разводах! Наверное, случайно размазала грязь руками, когда налипшие от дождя мокрые волосы со лба и щек смахивала...

- Господи, ну и страшилка чумазая..! А я-то думала, только одежда испачкалась.. и сумка...

- Ну, лицо ты уже сама перемазала, когда встала, - подтверждает мои догадки Ася.

Застонав с досады, я спешно и усердно начинаю плескать в лицо водой из умывальника. И очень скоро на белоснежном санфаянсе появляется россыпь грязно-серых брызг.

Увы, одежду так легко оттереть от безобразных темных пятен не получается. Всё, чего я добилась, - это размазать их

на фоне мокрой ткани. Надеюсь, как одежда подсохнет, они побледнеют.

Ася топчется рядом, поглядывая на часы. Удивительное дело, но она не уходит - совестливая очень.

- Скоро звонок! Давай, я тебя провожу в твою аудиторию. Тебе в какую?

- Пока не знаю, - вздыхаю я, глядя на свое жалкое отражение с бледным лицом и влажными светлыми волосами. Да уж, ну и глаза у меня... чисто бездомный котёнок-сирота. - Я в первой группе экономистов-первокурсников, кажется.

- Ух ты! - вдруг хмыкает девчонка. - Мы с тобой, оказывается, в одной группе теперь.

- Супер, - рассеянно отвечаю я и направляюсь на выход. - Только мне сначала в администрацию надо зайти к декану, отметитья и получить студенческий билет.

- Показать дорогу?

Я машинально оглядываюсь на Асю, собираясь отказаться от довольно проблематичного набора ее медвежьих услуг, делаю шаг наружу и немедленно впечатываюсь щекой в чью-то широкую сильную грудь.

- Ой! - испуганно поднимаю глаза выше.

Красивые серо-голубые глаза окатывают меня сначала знакомым холодом, а затем их взгляд пугающе надолго застывает на моем чистом лице.

От смятения ноги словно к полу приклеиваются.

Я оцепенело таращусь на Плохишева и только спустя пару

секунд соображаю, что он вышел из мужского туалета по соседству. Тоже толстовку свою от грязи оттирал, судя по здоровенному влажному пятну на ней.

- Марат, ты идешь? - окликает его кто-то из впередитопающих дружков.

Тот не отвечает.

Серо-голубой взгляд скользит по моему лицу наконец дальше, вниз, и останавливается на всё еще заметно грязной сумке.

Я решила с ней сейчас не заморачиваться, а закинуть позже дома в стиральную машинку. Так что вид у нее почти такой же плачевный, как на улице. Разве что самая толстая грязь убрана бумажными салфетками.

Но Марат Плохишев смотрит на нее с таким брезгливым презрением, что оно ощущается ушатым помоев на мою голову.

Я даже не сразу осознаю свои действия, но рука сама по себе дергается, чтобы спрятать пресловутую сумку за спину. И как назло, дрогнувшие пальцы не удерживают ремень.

Ш-шплюх!

С тихим шелестом по непромокаемой ткани моей куртки сумка плюхается на пол. Я судорожно опускаюсь на корточки, чтобы подобрать ее... но не успеваю.

Прямо перед моим носом возникает черная кроссовка с навороченной мощной подошвой - почти идеально белой, несмотря на сегодняшнюю непогоду. Я едва пальцы успеваю

отдернуть, а затем с очень нехорошим предчувствием испуганно вскидываю глаза наверх.

Плохишев по-прежнему пристально смотрит на меня. Но теперь его взгляд кажется глумливым, высокомерно-издевательским.

- Убери ногу, - говорю ему, стараясь сделать голос тверже, но со стыдом понимаю, что ничего не получается. Он дрожит и похож из-за этого на робкое овечье блеяние. - Мне надо в приемную идти...

На губах парня расплывается кривая усмешка.

- Надо, так иди.

- Дай сумку забрать!

- Забирай, - издевательская улыбочка становится шире, но свою навороченную кроссовку с моей сумки он так и не убирает.

Я начинаю злиться, но смелости для настоящего конфликта мне всё равно не хватает. И всё, что я могу, это беспомощно констатировать очевидный факт:

- Твоя нога мешает!

- Да неужели, - безразлично насмехается он.

- Да!

Я изо всех сил дергаю сумку за ремень.

Всё без толку! Марат переносит вес на мешающую ногу, и сдвинуть его, сидя на корточках, мне не по силам. Не драться же с ним?
Господи, как же он бесит!

- Ну, раз тебе так нужна эта сумка, попроси как следует,

- тянет низкий насмешливый голос.

У меня вдруг аж пелена красная перед глазами вспыхивает.

Он намеренно унижает меня на глазах своих дружков и притихшей Аси! За то, что я случайно испачкала его драгоценную толстовку! А самое страшное, что никто, абсолютно никто даже и не думает заступиться за меня.

Потому что я чужая.

Потому что я деревенщина.

Чувствую, как от обиды и злости у меня начинают подрагивать губы. Тревожный признак потери самоконтроля, грозящий мне новой катастрофой в виде прорвавшихся слез, распухших глаз и сопливого носа...

Но именно это и придает мне сил, чтобы сделать быстрый выбор между двойным унижением - просьбы сквозь слезы, - и гордым безрассудством.

Я вскакиваю на ноги, стиснув зубы.

- Нужна, но не настолько. Оставь ее себе! - бросаю ему в лицо и стремительно ухожу прочь, не оглядываясь.

Удивительное дело, но желание расплакаться при этом с каждым шагом всё меньше и меньше. Как будто бегство от агрессивного «звездного мальчика» неожиданно обернулось победой и что-то для меня изменило.

Увы, мне было в тот момент абсолютно непонятно, что именно я выиграла.

Свое персональное чудовище...

Потому что именно тогда-то Плохиш мной по-настоящему и заинтересовался.

Глава 6. Прошрое.

Под его надзором

Маня

Впервые по-настоящему четко я поняла, что нахожусь под его пристальным наблюдением только через год, когда уже перешла на второй курс бюджетного экономфака. А Плохишев, соответственно, уже вышел на финишную прямую последнего курса своего пафосного факультета бизнес-управления и менеджмента.

До этого момента были маячки, но я старалась не особо задумываться над ними. Потому что нутром чуяла, как это опасно для моего сердца - придавать излишнее значение взглядам и жестам эгоистичного и самовлюбленного красавчика-баловня судьбы, вроде Плохиша.

Первым маячком было то, что в день нашей первой встречи сумки я вовсе не лишилась. Мне ее вернула Ася, которая догнала меня и ошарашенно сказала:

- Слушай, я не знаю, кто ты и что сделала с Плохишевым, но он велел мне вернуть тебе это и передать, чтобы ты почаще... э-э... мылась и не пачкала других людей. А пока что у тебя в универе испытательный срок под кличкой... м-м...

- Дай угадаю. Грязнуля?

- Ну да...

- И что в этом мерзком замечании необычного для него?

- После этих слов он рассмеялся! И ушел. Это очень нетипично для него.

- Я не понимаю. Мне показалось, что насмешничать над людьми как раз-таки его уровень!

- Ну, как бы тебе объяснить... обычно он смеется только в своей мажорской компашке. Среди тех, кто ему вроде как ровня. А бедноту без полезных связей вроде нас он либо игнорит, либо стебет совсем иначе. Жестко так. Первый раз вижу, чтобы кто-то из нас заставил его рассмеяться так... ну не знаю... по-человечески, что ли. Ты его реально насмешила, Мань!

То, что она права, я поняла уже скоро, и это был второй маячок. Потому что всё поведение Плохишева в течение года свидетельствовало об этом.

Да, он позволял своей свите избалованных мажоров-старшекурсников и ревнивых фанаток обзывать меня весь первый год Грязнулей, но держал их в узде.

Это было заметно.

Потому что в случае с другими несчастными возмездие обрушивалось на них за куда меньшие косяки. И было оно далеко не таким безобидным, как моя дурацкая кличка. Тем более, что очень скоро и она перестала меня преследовать.

В отличие от холодного насмешливого взгляда серо-голубых глаз...

Третий и самый явный маячок своего нахождения под

колпаком у «звёздного мальчика» я получила как раз на втором курсе.

Главные бабники универа, не считая Плохиша, почему-то игнорировали меня все без исключения. Хотя большинство из них было чудовищно неразборчивым и подкатывало ко всем подряд ради очередной галочки в списке своих пошлых побед.

Зато такие же малообщительные серьезные ботаники, как я сама, поначалу приглашали меня в кино. Но когда я начала робко ходить на свои первые свидания с ними, то вторых приглашений никогда не было. Они не просто сливались на следующий день, а начинали шарахаться от меня, как черти от ладана!

Словами не передать, как мне это было обидно. И к концу второго курса я уже начала даже думать, что со мной что-то не так...

...пока после весенней сессии ко мне неожиданно не подошел сам Плохишев. Впервые настолько близко за всё время нашего знакомства.

- Не надоело тратить свое время на неудачников? - шурится он.

Я как раз сижу на подоконнике в коридоре и грущу, глядя на внутренний двор универа, залитый солнечным светом.

Очередная попытка поговорить с однокурсником, который мне нравился серьезным подходом к учебе и тоже начал избегать меня после очень славного похода в кино, провали-

лась. И это удручает до слёз.

Я бросаю на Плохишева настороженный взгляд.

- О чём ты?

- О твоих бестолковых однокурсниках, которые при слове «секс» потеют и краснеют, как дурачки, - усмехается он.
- Такие тебе не нужны. Напрасная трата времени. Так что побереги себя для того, кто сумеет оценить тебя по достоинству...

Смутная догадка начинает проклевываться в моей голове медленно, но верно. Как чепепашка из яйца.

И я неверяще распахиваю глаза шире.

Неужели ко всем моим неудачным свиданиям причастен он - Плохиш?.. Зачем ему это?

Вокруг него крутится столько шикарных, уверенных в себе девушек, что ему достаточно только пальцем поманить! Да я и сама только на днях случайно видела, как он обжигался после учебы в своей крутой тачке сразу с двумя раскованными красотками. Одна делала ему массаж шеи, а другая сидела верхом на его коленях и ёрзала со вполне очевидной целью.

Так зачем ему понадобилось отваживать от меня нормальных парней, способных на серьезные и здоровые отношения?!

- Да не пугайся ты так, - небрежно говорит Плохишев.
- Это всего лишь добрый совет. Из лучших побуждений. Я неплохо разбираюсь в людях, несмотря на ампулу избало-

ванного депутатского сынка... и знаю, что ты считаешь, будто каждый человек нуждается в понимающем друге, с которым можно иногда... поговорить по душам. Честно и откровенно. Слышал, как ты говорила это своей подружке как-то случайно в прошлом году. И думаю, что ты права. Это большая редкость на самом-то деле...

Я взираю на него с легкой оторопью, окончательно потеряв нить логики в происходящем.

- Так ты... просто нуждаешься в друге? - неуверенно спрашиваю я.

- Ну не подкатываю же к тебе, - Плохишев легонько треплет меня по голове, словно неразумного щенка-тугодума. - Ты мне нравишься, да. Но скорее как сестренка. Потому что больше похожа на живое наивное солнышко, чем на обычную девчонку, - он криво усмехается и задумчиво добавляет: - Или на белого котенка, которого в детстве мне подарила однажды... м-м... неважно.

Даже не представляю, как реагировать на подобное заявление.

Итак, Плохишев почти два года наблюдал за мной на расстоянии, чтобы сейчас вдруг вот так запросто подойти и заговорить о важном значении настоящей дружбы в жизни людей. И о том, что я его привлекаю то ли в качестве младшей сестренки, то ли котёнка.

Ну не могу поверить, что он заинтересован в настоящей дружбе со мной!.. Бредово же звучит. Кто я, и кто он?

Как же это... странно.

И всё-таки факт остается фактом. Плохишев не только никуда не уходит, он прямо-таки глаз не сводит с моего лица. И насмешливо спрашивает:

- Ну так как, солнце? Протянешь руку дружбы такому мерзкому гаду и конченому бабнику, как я? Или сразу пошлешь в пешее эротическое?..

В тот день он впервые назвал меня так.

И это прозвище в его устах стало моим вторым именем.

Глава 7. Прошое.

Отцовское кредо

Плохиш

Бах!

Дверь захлопывается, и отцовский охранник щёлкает замком, выставив наконец его последнюю любовницу вместе со стильным ярко-красным чемоданчиком на колёсах. Её возмущенный голос, костерящий папашу на чём свет стоит, сразу становится тише.

Ну наконец-то.

Я криво усмехаюсь, не отрывая взгляда от рамки со старой фотографией, которую держу в руках. На экране ноутбука мелькают кадры очередной экшн-боевки, и я делаю звук потише. Всегда включаю что-то в этом роде, когда каждые три-четыре месяца отец по обыкновению избавляется от очередной своей пассии. Громкое кино отлично заглушает шум разборок внизу. Не то, чтобы меня сильно интересовали боевики... но уже лучше слушать взрывы и перестрелки, чем женские вопли.

Не перестаю удивляться отцовской страсти к истеричным стервам. Что он в них находит?

Нет, ясное дело, из большинства женщин стервозные сучки для кратковременных отношений - самые охуенные. Но

на хрена постоянно выбирать недалеких истеричек? В мире полным-полно более адекватных и умных стерв...

Скрип на лестнице оповещает о том, что кто-то неспешно поднимается вверх.

- Дима! - окликает одного из охранников недовольный голос отца. - Сгоняй завтра к этой дуре с отступным чеком, когда она остынет. Это её утешит.

Тяжёлые размеренные шаги останавливаются возле моей двери, а затем он без стука входит ко мне в комнату.

Я никак не реагирую на вторжение. В первую очередь потому, что такое поведение - именно то, что отца бесит во мне больше всего. И я это отлично понимаю.

- Выруби эту дрянь, Марат! - приказывает он, глянув на ноутбук. - На сегодня достаточно уже шума, не находишь?

- Могу надеть наушники, - равнодушно предлагаю я со вполне прозрачным намеком, чтобы родитель не доставал с очередными нотациями и выметался прочь.

Вместо ответа отец молча подходит к моему столу и с бесцеремонной силой захлопывает крышку ноутбука. Один из самых варварских вариантов с перспективой угробить хороший девайс.

Вот урод.

- Я терплю тебя тут на выходных не для того, чтобы ты засорял свой мозг тупыми боевиками! - цедит он сквозь зубы.

- Понятно, - насмешливо киваю я. - Ты настаиваешь, чтобы я проводил каждые выходные в твоём доме для того, что-

бы слушать бурные разборки с бабами. Настоящий кайф с пользой для мозга, ага.

- Не паясничай! Всё, чего я добиваюсь - это держать руку на пульсе и знать, что происходит в голове моего единственного сына и наследника. Вот и вся суть совместных выходов... А теперь прекрати ухмыляться, умник, и расскажи мне, как проходит стажировка в бизнес-центре. Есть у тебя хоть какой-то толк после пяти лет учёбы или как?

Под суровым взглядом отца я закидываю руки за голову и демонстративно вытягиваюсь на стуле в ленивой позе законченного разгильдяя.

- Ни малейшего, - сообщаю с широкой улыбкой. - За последний месяц удалось заключить всего лишь три сделки по пятьдесят лямов и одну на полмиллиарда. Твои... то есть, конечно же, мои... работодатели рыдают и рвут на себе волосы, что дали шанс такому зелёному профану в бизнесе. Завтра они скинут тебе полный отчет, заляпанный их слезами...

Несмотря на мои кривляния, отец позволяет себе довольную усмешку и даже не морщится, как обычно, на саркастичные шуточки.

- Хм, слезами восторга, видимо? Ну, Марат, порадовал своего старика! Молодчина. Продолжай в том же духе, и к тридцати годам я дам тебе допуск в большую политику. У тебя определённо есть талант к переговорам...

- Политика меня не интересует. Предпочитаю оставаться в тени. Ну или хотя бы серым кардиналом.

- Посмотрим, как еще себя проявишь, и вернемся к этому разговору позже, - хмыкает отец. - А пока мне требуется порция крепкого коньяка, чтобы отпраздновать избавление от склочной суки. В дела мои полезла со своим мнением, представляешь? Такие вещи пресекать надо сразу же, сын, помни мои слова. Если баба начала доставлять больше проблем, чем удовольствия, то это первый признак того, что пора ее менять. Закон жизни...

Он направляется к выходу, а я невольно стискиваю в руках фоторамку крепче. Острый металлический уголок болезненно впивается в ладонь.

- Может, проще не заводить с ними никаких отношений? - спрашиваю его в спину. - Профессионалки за деньги работают честнее.

- Это не совсем то, что нужно нормальному мужику, и ты это отлично знаешь, - оглядывается отец и безразлично пожимает плечами. - Бабы нам нужны и важны. Но только для двух вещей. Либо для продолжения рода, либо для удовольствия и сексуального здоровья. Помнишь наш разговор на твоё восемнадцатилетие, сын?

- Помню, - я с усилием разжимаю пальцы на фоторамке и кладу ее на колени фоткой вниз, чтобы отец ее не заметил. - Ты сказал, что женщины в своих повадках похожи на животных. Довольно дискриминационное и опрометчивое заявление со стороны такого опытного политика, как ты.

- Ну, могу же я себе позволить быть честным хотя бы со

своим сыном?

Зацепившись за излюбленную тему, отец раздвигает тонкие губы в неприятной усмешке. И я ловлю себя на мысли, что внешнего сходства между нами кот наплакал.

Неудивительно, что когда мне исполнилось семь лет, его подозрительность насчет нашего родства приобрела нездоровые формы и вынудила его сделать тест на днк. Но, к счастью, результат оказался максимально положительным. Иначе я сейчас оказался бы не блестящим финансистом с большими перспективами, а нищим отщепенцем из детдома.

- Бабы в повседневной жизни необходимы и важны, - продолжает вещать отец, оседлав своего любимого конька. - Для развлечений ты можешь выбрать любую... только не забывай их почаще менять. От долгого взаимодействия они наглеют, дуреют и садятся на шею. Ты сам всё это наблюдал не раз, Марат. Учись на моих ошибках и не повторяй их!

- А мама тоже была ошибкой? - вдруг вырывается у меня прежде, чем я успеваю стиснуть зубы.

Суровая папашина физиономия с двумя «умными» залысинами на выпуклом лбу темнеет. Он терпеть не может, когда я поднимаю любую тему, связанную с ней.

- Твоя мать... была поначалу идеальной женщиной. Но она поддалась своей животной природе и нашла себе любовника на стороне. А ты знаешь, что для меня, как политика, это неприемлемо. И могло бы вызвать множество вопросов... как в отношении моего отцовства, так и в вопросах обще-

ственной морали... - гримаса недовольства становится глубже. - К чему ее вспоминать? Она бросила тебя ради своего любовника и недостойна такого сына...

Я слушаю его вполуха, как обычно, и попутно размышляю о парадоксе привыкания.

Мне уже давно всё равно. И смысл слов даже кажется нормальным, само собой разумеющимся. А ведь когда-то в детстве все папашины речи, подобные этой, вызывали у меня гнев и возмущение. Из-за матери, к которой, как ни крути, я был очень сильно привязан. И несмотря на ее предательство, я оберегал ее последний подарок, как самое ценное сокровище. До тех пор, пока он не сдох у меня на руках...

Увы, питомцы тоже смертны.

Жаль, что она подарила мне не игрушку, а живую мурчалку с ограниченным сроком существования.

Перед глазами на мгновение вспыхивает воспоминание о белом котенке, спокойно сидящем на подоконнике в потоке солнечном света. Оно тут же трансформируется в угловатую фигурку с копной растрепанных, очень светлых волос, и я прячу произвольную улыбку.

Не девушка, а живое солнышко...

Может, поэтому она так сильно напоминает мою кошку?

- ...так что выкинь ее из головы! - бубнит отцовский голос. - И эту ее фотку тоже! Думаешь, я слепой и ничего не вижу? Она уже давно живет своей жизнью и не разу не вспоминала о тебе, даже не спрашивала! Просто вычеркнула из

жизни, как хлам, и уехала. И единственный урок, который я извлек из этой истории - это то, что свою жену надо приглядывать заранее, еще подростком. Привязывать ее к себе любыми способами, пока ты не станешь для нее всем - другом, братом, сватом, любовником и учителем! Это...

-...единственная гарантия того, что она будет жить так, как ты считаешь нужным, угу, - скучным голосом подхватываю я с ним в унисон и бросаю фоторамку в верхний ящик стола.

- Тебя там коньяк не заждался, пап?

Глава 8. Прошное. Выходи за меня

Год назад. Маня

- Выходи за меня.

- Что? - я непонимающе моргаю, уставившись на Плохишева круглыми глазами.

Мы сидим на ступеньках универа. Между нами лежит стопка моих мятых-перемятых конспектов, которые я помню практически наизусть всю последнюю неделю выпускных экзаменов. И теперь, когда у меня есть диплом, больше они мне не понадобятся...

Такое волнующее чувство свободы вперемешку с мыслями о том, как построить свое будущее!

И тем страннее услышать от Плохишева, который явился в универ, чтобы узнать, как я справилась с последним экзаменом, такие странные слова.

- Я сказал, выходи за меня, - лениво повторяет он, без всякой брезгливости опираясь локтем о верхнюю ступеньку.
- В смысле - замуж.

- Это ты так шутишь? - изумлённо спрашиваю я. - Мы же просто друзья... ты сам говорил, что...

- Да помню я, что говорил. Но обстоятельства изменились. У отца через несколько месяцев начнется предвыборная компания. И он попросил поскорее определиться с выбором. У меня есть несколько кандидатур на примете, но я

был бы рад видеть своей женой именно тебя, солнце. С тобой мне хорошо.

Я смотрю на него, пораженная немыслимой степенью обыденности, с которой Плохишев говорит о такой серьезной теме, как брак. Создается впечатление, что речь идет о выборе удобной обуви, а не о создании семьи!

Я резко поднимаюсь и сгребаю конспекты в сумку.

- Нет, Марат, я не верю, что ты это всерьез. Не надо так со мной шутить.

- А я и не шучу.

Он тоже поднимается и следует за мной по пятам, пока я спускаюсь по ступенькам. Невольно ускоряю шаг, чтобы побыстрее добраться до автобусной остановки. И втайне молюсь, чтобы Плохишев от меня отстал. Слишком странные у него разговоры... и слишком опасные для моего душевного спокойствия. Ведь я никогда не говорила ему о том, что к нему испытываю.
Безнадежное, неконтролируемое чувство, которое никогда не найдет взаимность в сердце такого разгильдяя, как мой эксцентричный приятель.

- Подумай хорошенько, - не отстаёт он. - Не отказывайся сразу. И куда же ты так спешишь? Экзамены уже давно закончились.

- Мне надо домой, - вдыхаю я. - Мачеха заболела, и кто-то должен за ней присмотреть. Она еле передвигается в последнее время.

- У неё есть дочери. Вот пусть они за ней смотрят.

- Анфиса уехала трудоустроиваться в столицу, - пожимаю я плечами. - А Маргоша приходит домой очень поздно, только чтобы переночевать. И кажется, она собирается переехать к своему парню.

- А отец?

- Он не будет за ней ухаживать, - я с сожалением прикусываю губу и под пытливым взглядом Плохишева крайне неохотно объясняю: - У него появилась другая женщина. Из-за этого они и с мачехой поругались... И она получила инсульт. А отец домой теперь почти не заглядывает.

- И ты теперь считаешь, что обязана стать ей личной бесплатной сиделкой, - утвердительно говорит Плохишев.

Я снова пожимаю плечами.

- Не то чтобы считаю... просто особого выбора не вижу. Всё-таки последние годы я росла под ее опекой... Не бросать же человека в таком положении, если никто больше не хочет за ним смотреть?

- Ну слава Богу, - закатывает глаза Плохишев. - А то я уж было испугался, что у тебя запустился синдром саморазрушения.

- О чем это ты?

- О людях, которые с чего-то решили, будто за любое проявление заботы от кого-то к себе в детстве они обязаны лично своими руками принести себя в жертву этому «кому-то». Как будто родились по уши в долгах, живут со вшитой в мозг программой кредитования и не понимают, что ответствен-

ность за проявление заботы лежит только на ее проявителе. Это была его потребность - так поступать.

- А как же «сделай добро, и оно к тебе вернется»?

- Всё верно. Добро вернется, но только не по рыночному принципу «продай заботу - верни долг». Забота о ком-то вообще не работает так. Она включается либо на уровне инстинкта, либо через личное желание. Всё остальное ловушка разума. Она высосет из тебя силы, как вампир, и оставит только пустую безжизненную оболочку. Не попадись на крючок жалости, Маня. Из этой ловушки очень сложно выбраться живой и здоровой.

Мы останавливаемся на краю тротуара, и я вижу, как вдали появляется мой автобус.

- Все равно сейчас об этом бессмысленно говорить, - я безрадостно хмыкаю. - как я уже и сказала, вариантов у меня нет. И бросить человека рядом в беде я не могу.

- Варианты есть, - уверенно возражает Плохишев и насмешливо добавляет: - Если ты, конечно, включишь рациональность. И не будешь заикливаться на глупых условностях общества. Я не претендую на истину, но в одной вещи убежден однозначно. Бесплатной личной сиделкой другому человеку можно становиться только в том случае, если ты сама этого хочешь. По-настоящему. Это занятие должно наполнять тебя хотя бы морально... причем наполнять больше, чем истощать. Иначе это превратится в обычное психологическое самоубийство. Нельзя жить придатком к чужой жиз-

ни из чувства долга, как бы окружающие не убеждали тебя в обратном. Поверь мне, я видел примеры у родни отца. Ничего хорошего из этого не вышло - только очередная сломанная жизнь того, кто влип в роль должника.

Я смотрю на Плохишева удивлённо и заинтересованно. Впервые он обсуждает со мной такие серьезные темы открыто и прямолинейно.

- Ну хорошо... пожалуй, ты прав, - киваю медленно. - Но что тогда ты предлагаешь?

- Можно нанять для твоей мачехи сиделку. А ты примешь это с благодарностью и не станешь артачиться из-за того, что я оплачу ее услуги.

- Я-то, может, артачиться и не буду, но мачеха может и не согласиться. Она считает, что в доме не должно быть чужих людей.

- Если она больна, то выбор у нее ограниченный, а у тебя своя жизнь. Донеси до нее эту мысль. Единственное, что ты можешь для неё сделать, не жертвуя своим будущим - это предоставить ей самой отобрать кандидатуру сиделки, которая ей понравится.

Некоторое время я молча взираю на него снизу вверх. Даже не верится, что он предлагает свою помощь ради меня.

- Почему ты это делаешь, Марат? - спрашиваю его тихо. Он легонько щелкает меня по носу, как маленькую девочку, и небрежно отвечает:

- Я хочу, чтобы ты могла свободно распоряжаться своей

жизнью, а не топталась на месте с гирей на ноге. И ты мне ничего не должна, в смысле денег.

- Как это? - удивляюсь я. - Но так нельзя...

- Ещё как можно, - Плохишев вдруг усмехается. - Сегодня я настоящий изрекатель, мать их, истин. И у меня как раз созрела еще одна, - он с шутливым пафосом поднимает указательный палец наверх, призывая меня к вниманию. - никогда не мешай людям помогать тебе, если они действительно хотят этого. Уж поверь, свою компенсацию они за это в любом случае получат. Поэтому что у любого действия всегда есть мотив. Запомни это... солнце.

Глава 9. Прошлое. Отдайся мне

Плохиш

В итоге она всё-таки согласилась.

Именно на это я и рассчитывал, когда напористо предлагал ей всяческую помощь в решении ее проблем. Ни один адекватный человек в мире не способен устоять перед растущей лояльностью к тому, кто реально облегчает ему жизнь. И я был чертовски доволен этой схемой.

Маня...

Она нужна мне. Просто нужна и всё.

Я до сих пор старался не задумываться и даже не пытался объяснить себе эту жадную потребность - видеть ее как можно чаще. Не хотел рассматривать собственную слабость повнимательнее даже гипотетически. Потому что всегда, с нашей первой встречи чувствовал ее опасную непредсказуемую власть над моим настроением.

Взять хотя бы неконтролируемую глупую ревность к любому парню в радиусе трех метров от нее.

Это тупое бессмысленное чувство так раздражало меня еще со школы, что в конце концов я просто принял решение не подпускать к девушке вообще никого. Пока сам не решу, что мне делать с ней и с тем растущим желанием, которое я к ней испытываю.

Просто трахнуть и забыть - не вариант. При мысли об

этом в игру эмоций всегда включалась третья сила - щемлящая хрень где-то в глубине грудной клетки. Еще более ебучее и раздражающее чувство, чем ревность. И я знаю, как оно называется.

Слабость Номер Один, которой я не дам взять вверх.

Не позволю. Потому что стоит только разок поддаться и размякнуть, как в твое слабое место прилетит удар... Причем именно от того, кому доверяешь. И если не быть всегда настороже, то этот удар тебя сломает на раз-два за одну секунду. А склеивать себя по кускам потом придется долгие годы.

Так что на хрен такие слабости.

Надо просто всё держать под контролем и жить так, как считаешь нужным. А ту, которая стала источником твоей слабости - обезвредить полным неведением о ее власти над тобой. Тогда ею тоже можно управлять так, чтобы она не портила жизнь.

Иногда наивное непонимание Мани о смысле происходящего меня забавляло. Но по большей части - давало поверхностное спокойствие, под которым время от времени шевелился глубинный дремучий страх снова стать жалким и слабым. Как в детстве. И снова затихал, успокоенный присутствием моего личного солнца. Всегда теплого и непрехотливого.

Меня такая расстановка приоритетов вполне устраивала. Главное - что я всё контролирую, и моя Маня рядом.

А что касается нашей интимной жизни...

- Ты ведь помнишь, что я согласилась только временно побыть твоей женой? - с беспокойством уточнила Маня перед самой свадьбой. - Пока с выборами всё не утрясется. И чтобы между нами было всё... ну... без этого... в смысле, фиктивно.

Наивная. До сих пор не поняла, что самое постоянное в жизни всегда начинается с временного.

- Помню, - усмехнулся я тогда и лукаво уточнил: - Ты уверена, что хочешь жить без секса? Когда-нибудь же надо начинать. Почему бы не со мной?

- Потому что мы просто друзья, - напряженно пояснила она.

- По-твоему, друзья не могут хотеть друг друга?

Она смутилась.

- Не в этом дело. Просто... я хочу это делать только по любви, а не ради удовольствия.

Я помедлил, глядя в ее ясные светлые глаза.

Она покраснела еще сильнее... но взгляд не отвела. Более того - в нем светилась пугливая надежда, с которой очень часто и другие женщины тайком поглядывали на меня. Достаточно яркий сигнал. Обычно я либо игнорирую его, либо использую против них же.

Влюбленность...

Это слабость. Очень удобная штука, которая превращает женщин в беспомощных марионеток в руках мужчины с трезвым разумом. И Маня была единственной, против кого я ее не использовал.

До этого момента. С шансом сделать связь между нами чуть сильнее и прочней, но не показывая ей свое слабое место.

Один шаг вперед, глаза в глаза. Немного коварного психологического давления многозначительной улыбкой. И уверенный риторический вопрос, что называется, ва-банк:

- А разве ты меня и так не любишь?..

Её ресницы дрогнули, а в лице появилось выражение смущенной растерянности. Я попал в самую точку.

К моему тайному восторгу и восхищению, увиливать Маня не стала. Признала свое поражение медленным кивком и с искусственным спокойствием сказала:

- Да, я тебя люблю, Марат. Таким, какой ты есть. Но спать с тобой из-за этого мы не будем.

- Почему?

Она тяжело вздохнула и вдруг заявила:

- Потому что в отношении женщин ты - как злое циничное чудовище. И в первую очередь нуждаешься в любви и понимании, а не в сексе.

- В сексе я очень даже нуждаюсь, - не согласился я, а затем, подумав, добавил задумчиво: - Но в любви и понимании вообще-то тоже, ладно. Если только от тебя персонально, солнышко. Знаешь... иногда солнечная погода в доме творит чудеса. Ты моя жена, и ты любишь такое чудовище, как я. Кто знает, может, сумеешь превратить меня в человека? - я сгреб ее в охапку и, нежно боднув лбом ее нахмуренные брови,

шутливо прорычал: -Отдайся мне! Всего один сеанс хорошего секса и...

- Ага, щас! - она проворно вывернулась из моих рук и отошла в сторону. Но ее улыбка грела и давала шанс на то, что я не так уж далек от исполнения своих желаний.

- Ну как знаешь, - вздохнул с нарочитой печалью. - Тогда придется чудовищу справляться со своими чудовищными наклонностями самостоятельно.

Вполне прозрачный намек на других женщин она поняла правильно, и промолчала. Делала вид, что всё нормально, только грустнела каждый раз, когда я возвращался домой с чужим запахом женских духов на своей одежде.

В итоге при такой «дружеской» семейной жизни крепости ее обороны перед всеми моими провокациями хватило всего на полгода.

Однажды вечером она встретила меня более печальной, чем обычно, и после ужина завела осторожный и очень многообещающий разговор.

- Скажи, Марат... ты вообще на верность способен?

Отлично, моя девочка наконец созрела для кардинального пересмотра взглядов.

- Смотря кому, - ответил я спокойно. - И смотря ради чего. Чтобы от чего-то отказаться, мужчина должен понимать, что у него есть равноценная замена. А как он должен оценить ее значимость, если даже не попробовал?..

Это была мерзкая и лживая стратегия. Мужчины не влюб-

ляются через секс. Они влюбляются через ожидание, восхищение и недоступность.

Прямо, блядь, как я.

Но я использовал эту стратегию сознательно. Потому что заебался уже удовлетворять страсть к своей жене, сублимируя ее на других женщин.

И снова шел ва-банк, рискуя потерять то, что имею - ее присутствие рядом хотя бы в платоническом качестве. Без всяких сюси-пуси, превращающих мужчину в ходячую мишень для удара в спину.

- Тебе понравится со мной, обещаю, - шепнул я ей, наклонившись ближе к ее щеке. - Просто дай шанс, Мань. Нам обоим.

Запах этой девушки сводил меня с ума... и низ живота скрутило возбуждением так, что затвердевшему члену стало больно. Всё, как обычно, учитывая, что неделю уже ни с кем не сбрасывал напряжение.

А тут она...

Такая теплая, нежная, трепещущая и влюбленная...

Можно просто прижать ее к стене и трахнуть прямо на весу. Или уложить на стол и быстро взять ее сзади, задрать халатик и отодвинув трусики. Или опрокинуть на диван тут же, заставив раздвинуть ноги. Она не станет сопротивляться, я уверен.

Ее нескрываемая слабость - это моя сила.

Но я никогда в жизни не принуждал женщин к сексу и

не собирался. Она должна дать согласие. Ну или я просто приму холодный душ, а потом найду себе шлюху и прекращу эти игры разума, пока мы оба не свихнулись.

Маня глубоко вздохнула, словно перед прыжком в воду. Я замер, вдыхая ее запах, и вдруг услышал:

- Хорошо. Давай сделаем это, Марат.

Целый месяц я был на седьмом небе, добившись своего и обладая ею без ограничений. С упоением трахал ее во всех позах и учил получать удовольствие от этого.

Целый месяц слышал после феерического оргазма ее тихое: «Люблю тебя». Почти решился плюнуть на собственные принципы и болезненную отцовскую философию. Это теряло всякий смысл, когда моя жена - родная и желанная, - заставляла одним своим присутствием тускнеть и выцветать любую мысль о других женщинах...

А потом случился день, когда всё изменилось.

День, когда я снова увидел свою мать. Узнал, что отец не соврал мне про нее ни единым словом. И в очередной раз убедился, что предают все. Прямо и обыденно. Или исподтишка... не важно. Все и без исключения.

Только в настоящий удар это превращается, если предательница прекрасно знает, что ты ее любишь.

Глава 10. Осторожней с желаниями

Маня. Сейчас

Среди многочисленных знакомых моего мужа в этой светской тусовке я всегда выгляжу белой вороной. Но у меня нет никакого желания наряжаться на благотворительный вечер только ради того, чтобы вписаться в местное общество толстосумов. Поэтому я оделась так, чтобы было более-менее прилично и в то же время удобно – белая блузка, светло-серая прямая юбка до колен и такого же цвета приталенная жилетка. Прическу делать не стала, просто расчесала волосы и оставила их распущенными. Да и про макияж благополучно «забыла».

И теперь ощущаю недовольство мужа аж на расстоянии.

Тем не менее, никаких критических замечаний он вслух мне не делает. И вообще единственное, что я от него слышу, когда мы выезжаем на машине, это негромкое ироничное:

- Ты похожа на девушку-трудоголика, которая мечтает работать днём и ночью в офисе, а не наслаждаться приятным вечером, попивая шампанское.

Я бросаю на него короткий пронзительный взгляд.

Вчерашнюю болезненную тему измены и принуждения мы больше так и не поднимали. Но осадок остается таким же концентрированно-горьким. И это мешает настроиться на нужный лад.

- А может, так оно и есть? - изо всех сил стараюсь говорить с мужем отстраненно и равнодушно. - Я ни дня не работала с тех пор, как вышла за тебя замуж. И мне это, честно говоря, надоело.

- Ты можешь работать у меня в финансовой компании, если так хочешь, - тут же предлагает он. - Для тебя организую любую вакансию.

- Нет, спасибо. Я хочу что-нибудь нейтральное, - я с грустью качаю головой и отворачиваюсь.

До чего мы дошли?

Только вчера фактически ссорились из-за его измен, а сегодня сидим в машине и спокойно обсуждаем моё трудоустройство, как чужие люди. Как будто всё то, что было вчера, и всё то время, пока он развлекался на стороне, ничего не значат.

- Я могу устроить тебя в другое место, - вдруг говорит Плохишев без особой охоты в голосе. - К Князеву в его офисный штат, например. Или в предвыборный штаб моего отца.

При мысли о работе у последнего я внутренне содрогаюсь.

Только не это! Каждый день видеть надменную пафосную физиономию и слушать депутатские речи о благе для народа - это перебор.

- У Князева для начала подойдет, - вздыхаю я.

Чувствую себя такой потерянной. А еще - чересчур зависимой от своего мужа.

Отвратительное чувство!

И в самое ближайшее время я намерена от него избавиться, не ставя его в известность о своих планах. Пусть почувствует потом, каково это, когда равнодушная непредсказуемость человека, с которым живёшь вздергивает тебя в ужасное состояние подвешенности.

Ведь именно это я и ощущала, если подумать, все те месяцы, когда Плохишев давал мне надежду на семейное счастье... на то, что готов измениться...

А на самом деле вел себя, как собака на сене. Эгоистично не давал возможности быть счастливым ни себе, ни мне. И продолжает это делать, пытаюсь внушить мне свое извращенное мировоззрение.

Ничего, ничего. Недолго пёсику осталось резвиться!

На благотворительном вечере в здании шикарного ресторана с видом на набережную в свете вечерних огней я ускользаю от Плохишева. Причем почти сразу же после первого же обмена приветствиями с главной депутатской командой его отца. Нахожу себе тихий уголок в нише у окна и просто жду, когда всё закончится.

Сил никаких нет сейчас общаться ни с кем.

Рассеянно смотрю, как по банкетному залу разгуливают мужчины и женщины в нарядах один краше другого. Все болтают и смеются, лениво наслаждаясь этим праздником жизни.

Одна я тут, как изгой.

Впрочем, меня устраивает одиночество. Потому что не

мой это мир. Чужой. Холодный, фальшивый и враждебный к таким простушкам, как я.

Вскоре начинается благотворительный аукцион.

Толпа окружает сцену, где распорядитель демонстрирует лоты и фиксирует ставки. Оживленный гомон голосов становится громче.

Я безразлично наблюдаю за этой суетой из своей ниши, когда рядом вдруг раздаётся женский голосок:

- Простите... Вы ведь Мария. Да? Жена Марата Евгеньевича?

Вздрогнув от неожиданности, я поворачиваюсь к незнакомке.

Эффектная, привлекательная девушка модельной внешности. Смотрит на меня с показательным дружелюбием и терпеливо ждёт ответа.

- Да, - сдержанно киваю я.

Только бы не пришлось сейчас втягиваться в очередной светский разговор, с помощью которого тут принято налаживать, так называемые, «полезные связи»!

- Вы знаете, - быстро сообщает она, - кажется, вашему мужу нехорошо... Он показался мне очень нездоровым пять минут назад.

- А где он?

- Кажется, в комнате отдыха на первом этаже... Мне было очень неловко предлагать ему помощь, и я ушла, но кто знает... вдруг дело серьезное... Вы бы, как жена, поговори-

ли с ним и выяснили? – Девушка делает красиво выщипанные брови домиком и переходит на многозначительный пониженный тон: – Тут журналисты ошиваются, если что. Как бы не сфотографировали его в таком состоянии и не испортили предвыборную программу каким-нибудь скандальным заголовком!

Легкая тревога отодвигает грустные мысли о неудавшейся семейной жизни на задний план.

Со здоровьем не шутят. И каким бы гадом Марат ни был, я действительно обязана выяснить, всё ли с ним в порядке. Просто как человек, которому небезразлична его судьба.

- Хорошо, - вскакиваю я. – Спасибо, что сообщили. Пойду его поищу.

- Первый этаж, комната отдыха в дальнем конце коридора, - подсказывает мне в спину любезный мелодичный голос.

Всего пару минут тревога и беспокойство за здоровье мужа сжимает мое сердце, когда я быстро спускаюсь по лестнице на первый этаж ресторана.

Не отпускает свою холодную цепкую хватку, когда я подхожу к массивной двери, которая почему-то приоткрыта...

...а затем рассыпается на острые ледяные осколки при виде зрелища, открывшегося за ней.

Мой муж стоит посреди комнаты с бокалом темного вина и, как-то по особенному изогнув бровь, взирает вниз на абсолютно голую женщину. Она страстно обнимает его ноги и, как змея перед факиром, соблазнительно покачивается всем

телом. Медленно скользит вверх со вполне очевидными намерениями. Потому что платье валяется тут же, неподалёку, а её пальцы с острыми ноготками в блестящих стразах целенаправленно крадутся по брюкам Плохишева вверх к его ширинке.

Я судорожно сглатываю с ощущением битого стекла в горле. Но ни на секунду не отвожу широко раскрытых глаз от этого откровенного доказательства очередной измены.

Поздравляю, Маня. Хотела застукать мужа лично? Получи-распишись!

Глава 11. Игра сквозь боль

Маня

Что делать?.. Сбежать и разрыдаться в горько-щадающем одиночестве... или остаться и взглянуть жестокой реальности в лицо?..

Выбрать трусливое отступление или волевое усилие?

Остаться несчастной удобной женушкой или начать диктовать судьбе свои условия, не оглядываясь на предательские чувства и мечты?..

Но я и так всегда была удобной и понимающей. Ни к чему хорошему это не привело. И сейчас самое время обратить свое глупое “понимание” против того, кто им бессовестно манипулировал всё это время. Сделать своим оружием, а не слабостью!

Я сжимаю пальцы в кулаки, вонзая ногти в ладони. Физическая боль быстро загоняет душевную на второй план. То, что мне нужно прямо сейчас.

- Марат, ты здесь?.. - я толкаю дверь и останавливаюсь на пороге.

Муж резко вскидывает голову. А затем с такой скоростью отступает от вцепившейся в него коленопреклоненной девицы, что та неуклюже плюхается на пол, отклячив голый зад в потолок.

- Мань...

- Ой, я смотрю, ты занят? - перебиваю его с демонстративным сожалением. - Просто мне одна девушка сказала, что тебе нехорошо, и посоветовала лично проверить. Вот я и запереживала. Ты у меня, конечно, настоящий секс-герой, дорогой муж, но меру-то надо знать. У тебя столько разнообразных половых связей в таких нечистоплотных местах... - задерживаю выразительный взгляд на голой девице, - и с такими нечистоплотными партнершами, что пора тебя в кожендиспансер записывать на анализы. Она хоть подмылась с мылом перед тем, как дотронуться до тебя?.. А зубы почистила?.. А вдруг она заразная?

Пока я это всё говорила, девица наконец вскочила на ноги и принялась спешно натягивать на себя одежду. И при последних моих словах просто вытаращилась на меня, неверяще и шокированно.

- Эй, ты охренела? Я абсолютно здорова!

- Заткнись и убирайся, - обрывает ее Плохишев.

- Нет-нет, ну зачем так грубить девушке, - вставляю я укоризненно. - Пусть остается. Тем более что я уже уйду, раз тебе совсем нехорошо, а очень даже хорошо.

Он бросает на меня напряженный взгляд.

- Мань, я понимаю, что ты чувствуешь, но у меня даже мысли не было развлекаться на этой вечеринке, когда ты рядом. Она просто...

- Оказалась рядом в нужное время в нужном месте! - с готовностью киваю я, криво улыбаясь и сжимая кулаки еще

крепче. - Я всё понимаю, Марат. Развлекайся, милый, никаких проблем, даже не переживай. Только не забудь, что мне нужна от тебя справка с чистыми анализами, если ты вдруг захочешь поцеловать меня, хорошо?.. - я нарочито озабоченно изучаю физиономию обалдевшей любовницы мужа и цокаю языком. - А то что-то она не очень хорошо выглядит. Красная вся, потная... Возможно, это уже какие-то высыпания, пусть тоже проверится. Нечего в дом потом всякую заразу тащить.

Муж смотрит на меня так странно и пристально, будто у меня на лбу третий глаз вырос. И молчит.

- Ну ладно, - хрипло говорю я и быстро откашливаюсь, будто бы в смущении. - Вы тут продолжайте, если хотите, а я пойду. У меня там интересные знакомства только-только завязались. Пока, дорогой. И не забудь про справку!

Когда я выскакиваю из комнаты, то боковым зрением выхватываю их реакцию.

Побагровевшая от унижения девица прожигает меня бешеным взглядом, а мой муж прикрыл рукой лицо... и смеется. Смеется, блин!

Сволочь. Ненавижу.

Кажется, пора приступить ко второму раунду моего спонтанного плана.

Сердце в груди кажется тяжелым камнем, горло то и дело перекрывает спазм горькой обиды. Единственное, что дает силы держаться - удовлетворение от того, что мне удалось

сохранить на себе маску спокойствия. Не скатиться в собственную мне роль несчастной жены-жертвы...

А это уже хоть что-то!

Первый шаг к победе в этом ужасном противостоянии извращенного мировоззрения и моих принципов.

По дороге в банкетный зал забегаю в туалет, чтобы освежить лицо водой. Несколько долгих секунд смотрю на себя в зеркало, уперевшись подрагивающими руками в белоснежную раковину. Бледная кожа, лихорадочно горящий взгляд раненого зверька...

Печальное зрелище в наряде офисного планктона.

- Дура ты, Маня... - грустно говорю отражению, и оно послушно отражает жалкую попытку бодро улыбнуться. - Но не грусти. Ты справишься! Любая ошибка делает нас сильнее, если не убегать, а идти ей навстречу. Надо... надо просто перешагнуть ее. И идти дальше.

Глава 12. А может, никакого мужа и нет?

Маня

Качаю головой и принимаюсь усердно умыться. Даже слишком усердно, потому что очень скоро вся моя блузка оказывается забрызганной каплями воды.

Я наскоро продуваю её потоком горячего воздуха из сушилки и выхожу в фойе. На лестнице то и дело поглядываю на непросохшие пятнышки, и это играет со мной дурную шутку.

Тюх.

Со всего размаха врезаюсь носом в пиджак какого-то мужчины и тихо вскрикиваю. На беду моей бедной переносице, главной точкой столкновения оказалась очень жёсткая крупная пуговица пиджака. Мне даже чудится фантомный хруст костей.

Охнув, я отшатываюсь к перилам и торопливо принимаюсь ощупывать свой нос на предмет повреждений.

Уф, вроде просто ушиб...

- С вами всё в порядке? - снова приближается ко мне злополучный пиджак.

Я скольжу по нему взглядом вверх и останавливаюсь на смутно знакомой физиономии. Смуглой, черноглазой, с от-

чётливо казахскими корнями в грубоватых чертах.

Кажется, это Буйхан Оглымов[*], деловой партнер моего мужа.

- Да... вроде бы.

Он сощуривается, пристально глядя на меня сверху вниз.

- У вас переносица припухла. Надо приложить лёд.

- Пустяки, сама пройдет.

Я делаю попытку прошмыгнуть мимо него вверх по лестнице, но он придерживает меня за локоть.

- Как хороший юрист, я не могу вам позволить уйти просто так, не искупив свою вину. Хотя и косвенную. Никогда нельзя пускать на самотек последствия любых физических повреждений.

- Почему? - моргаю я. - Это ведь всего лишь пуговица. Какие от неё могут быть повреждения?

- Потому что дьявол кроется в мелочах, - ухмыляется он каким-то своим мыслям, разглядывая меня со всевозрастающим интересом. - Вы даже не представляете себе, какой серьезный иск можно вкатить любому членовредителю даже за такие пустяки. При должном юридическом таланте.

- Можете с моей стороны никаких исков не опасаться, - хмыкаю я и снова возобновляю движение вверх. - Я такими глупостями не занимаюсь...

Но Буйхан Оглымов всё равно идёт за мной по пятам, как приклеенный.

- Не отказывайтесь, я прекрасная компания, а вы тут одна.

- Я не одна. У меня есть муж.

- И кто у нас муж? - фамильярно допытывается он, когда мы достигаем коридора перед банкетным залом.

Я останавливаюсь возле тёмного окна, за которым блещет и переливается огнями ночной город.

Похоже, Оглымов меня совершенно не помнит! Хотя один раз мы встречались с ним лицом к лицу. Выпал тот редкий случай, когда я выбралась в светское общество за компанию с Плохишевым. Он нас даже друг другу представил, но я настолько робела и пряталась за мужем, что промямлила только банальное «Здрасте» и переключила всё своё внимание на маленькие аппетитные канапе на своей тарелке. Так что неудивительно, что в памяти этого типа я осталась пустым серым местом.

Пока я размышляю об этом, Оглымов воспринимает нашу молчаливую паузу как-то по-своему и делает шаг вперёд, заставляя меня вжаться в подоконник.

- А может, никакого мужа и нет?... - его рука взлетает и касается кончиком пальца моей переносицы. - Какой маленький хорошенький носик... С виду ты слишком молода, чтобы быть замужем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.